

КРАХ БЕЛОЙ МЕЧТЫ В СИНЬЦЗЯНЕ

Воспоминания сотника
В.Н. Ефремова
и книга В.А. Гольцева
«Кульджинский эндшпиль
полковника Сидорова»

КАРТА
СЕМИБЕЧЕНСКОЙ

**Василий Николаевич Ефремов
Вадим Алексеевич Гольцев
Крах Белой мечты в
Синьцзяне: воспоминания
сотника В. Н. Ефремова
и книга В. А. Гольцева
«Кульджинский эндшпиль
полковника Сидорова»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11873833

*Крах Белой мечты в Синьцзяне: воспоминания сотника В. Н. Ефремова и книга В. А. Гольцева «Кульджинский эндшпиль полковника Сидорова».: Алетея; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-906792-38-9*

Аннотация

Записки В. Н. Ефремова написаны автором в конце 1920-х годов в эмиграции сразу после описываемых событий и в настоящее время хранятся в архиве Объединения Лейб-Гвардии Казачьего полка в Париже. В воспоминаниях повествуется о побеге автора в Китай из большевицкой

России. Подробно рассказывается об отходе белых отрядов в Китай после поражения в Гражданской войне и дальнейшей судьбе беженцев. Записки Ефремова уникальны тем, что это практически единственный известный на сегодняшний день мемуарный документ эпохи, рассказывающий о борьбе на далекой окраине России – в Семиреченской области (ныне Юго-Восток Казахстана) – со стороны белых. В сборник вошла работа современного исследователя Гражданской войны в России Вадима Алексеевича Гольцева. Его последняя работа – «Кульджинский эндшпиль полковника Сидорова» рассказывает о непосредственном командире сотника Ефремова – полковнике П.И. Сидорове, пытавшемся даже уйдя в эмиграцию в Китай бороться с установившейся в России коммунистической властью. Книга основана на воспоминаниях современников и архивных документах, снабжена фотографиями и иллюстрациями.

Содержание

Василий Ефремов и его записки о Гражданской войне в Семиречье	8
В. Н. Ефремов. Воспоминания. Россия – Китай	30
Автобиография В. Н. Ефремова	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Крах Белой мечты в
Синьцзяне. Воспоминания
сотника В. Н. Ефремова.**

В. А. Гольцев.

**Кульджинский эндшпиль
полковника Сидорова**

В. Н. Ефремов, фото 1916 г.

Василий Ефремов и его записки о Гражданской войне в Семиречье

В местечке Курбевуа под Парижем находится известный в эмиграции, да теперь уже и в России, Музей Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, разместившийся там с 1929 года. В этот музей попало множество уникальных экспонатов, сперва вывезенных лейб-казаками из России в 1920 году, а затем пополнявшимися уже эмигрантами первой волны. При музее существует обширный архив Лейб-Гвардии Казачьего полка и вообще всей донской казачьей эмиграции, где хранится масса книг, периодических изданий, документов, отчетов, сводок и различных записок и воспоминаний донских казаков.

И вот среди этой массы самых разнообразных документов, в архиве хранятся рукописные записки одного из офицеров этого полка – Василия Николаевича Ефремова, рассказывающие о событиях Гражданской войны в Семиреченской области России и Синьцзянской провинции Китая в 1919–1920 годах прошлого века. Казалось бы – какое отношение имеет Лейб-Гвардии Казачий полк, воевавший в Гражданскую на Юге европейской России и офицер этого полка, к событиям далекого Семиречья, раскинувшегося у рубежей Поднебесной Империи, в самом сердце Азии? Для этого мы

считаем нужным немного рассказать об авторе этих записок, тем более, что его удивительная и полная приключений судьба стоит этого...

Василий Николаевич Ефремов – потомок славного донского казачьего рода Ефремовых.

Родился Василий Николаевич 30 марта (11 апреля нового стиля) 1895 года на хуторе Красном Островской станции Области Войска Донского в семье коллежского секретаря Николая Васильевича Ефремова и дочери гвардейского поручика Екатерины Дмитриевны Ставровской.

Родители определили сына в Новочеркасскую частную гимназию Петрова, после которой Василий проходил обучение в Ташкентской гимназии, которую окончил ускоренным выпуском в январе 1915 года, сдав аттестат зрелости.

К этому времени уже полгода шла Великая война с Германской Империей и молодой Василий Ефремов, был зачислен юнкером в сотню Николаевского кавалерийского училища в Петрограде. По окончании ускоренного курса училища 1 октября 1915 года Ефремов был произведён в прапорщики со старшинством с 1.6.1915 г. и зачислен в комплект Донских казачьих полков, с прикомандированием к Лейб-Гвардии Казачьему Его Величества полку. Этому назначению в один из элитных полков Русской Императорской армии, в немалой степени способствовало то, что несколько поколений достойных офицеров рода Ефремовых были коренными офицерами Лейб-Гвардии Казачьего полка на протяже-

нии всей его истории.

Уже 21 марта 1916 года молодой прапорщик Ефремов был официально переведён в полк, и произведён в следующий офицерский чин хорунжего 9 августа того же года со старшинством с 1 февраля 1916 года. Василий Николаевич с момента зачисления в полк служил в третьей сотне под командованием есаула Василия Аврамовича Дьякова.

Летом 1916 года Лейб-Казачий полк в активных боевых действиях не участвовал и в августе располагался в окопах в районе реки Стоход. Результатом наступательных действий пехотных частей русского Гвардейского корпуса в сентябре 1916 года явились громадные людские потери, в том числе и в офицерском составе. Офицерам гвардейских кавалерийских частей, находившихся в резерве, было предложено занять командные должности в гвардейской пехоте. Из многих желающих в Лейб-Гвардии Казачьем Его Величества полку жребий вытянули: подъесаул Яков Фёдорович Рыковский, подъесаул Анатолий Клавдиевич Соколов, хорунжий граф Михаил Валерианович Муравьёв-Амурский и хорунжий Василий Николаевич Ефремов. Все они были зачислены командирами рот в Лейб-Гвардии Егерский полк. 1 января 1917 года все офицеры были откомандированы обратно в свой полк, получив очередные награды. Василий Николаевич Ефремов вернулся в родную 3-ю сотню полка, которой теперь командовал Владимир Владимирович Кононов и через четыре месяца – 6 апреля 1917 года был произведён в

сотники (со старшинством с 1.11.1916).

Офицеры Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, командированные в Лейб-Гвардии Егерский полк на должности командиров рот. Слева направо: хорунжий В. Н. Ефремов, подъесаул А. К. Соколов, хорунжий граф М. В. Муравьев-Амурский, подъесаул Я. Ф. Рыковский, полковник А. П. Кривошеин, капитан А. А. Воронов. Сентябрь 1916 года. Архив ЛГКЕВП

К этому моменту Российская Империя уже месяц была без Императора, и постепенно приближалась к своему закату. Несмотря на всеобщую демократизацию Армии и по-

степенную деморализацию армейских частей, личный состав Лейб-Гвардии Казачьего полка – казаки и урядники – оставались верны своим офицерам. Тем не менее, под влиянием плохих условий жизни, агитации в печати, бестолковых действий Временного правительства и близкого соседства с полуразложившимися неказачьими частями, настроение казаков в конце апреля, с переходом в окопы, изменилось к худшему. Появилась озлобленность, неопределенно к кому направленная.

К сожалению, именно с инцидента, связанного с Василием Николаевичем Ефремовым в Лейб-Казачьем полку начались серьёзные разногласия между казаками и офицерами. Этот инцидент произошёл в конце апреля 1917 года и он хорошо описан в книге офицера, а впоследствии и командира Лейб-Гвардии Казачьего полка И. Н. Оприца «Лейб-Гвардии Казачий Е. В. полк в годы революции и гражданской войны. 1917–1920» (Париж, издательство В. Сияльского, 1939), поскольку этот случай явился переломным моментом в отношениях казаков с офицерами полка:

«Распоряжением высшего начальства в полк были присланы 2 или 3 медали, выданные французским правительством для раздачи отличившимся казакам.

Командирам сотен было приказано прислать соответствующие представления к награде.

Заменявший в окопах командира 3-й сотни, сотник Еф-

ремов сначала хотел представить к этой награде урядника Коновалова¹, но затем, переговорив с офицерами сотни и вахмистром, передумал и послал представление на другого, более достойного казака. Уряднику Коновалову стало об этом известно, и он, открыто выражая свое недовольство, стал будировать среди казаков сотни против сотника Ефремова.

Вахмистр доложил об этой агитации сотнику Ефремо-

¹ Урядник Коновалов происходил из интеллигентной дворянской семьи и имел брата, подполковника Генерального Штаба (произведенного впоследствии, во время Гражданской войны на Дону, в генералы) В Лейб-Казачьем полку не делалось различий между казаками по классовому признаку, и урядник Коновалов нес службу без каких бы то ни было поблажек наряду с другими рядовыми казаками. В 1916 году урядник Коновалов, будучи послан на разведку по закупке в тылу фуража, познакомился там с группой пехотных солдат и дезертиров, бродивших по тылам и занимавшихся там грабежом и воровством. В одной деревне эти солдаты убили и ограбили одинокую старую женщину. Спустя некоторое время дезертиры-грабители были арестованы, причём судебным следствием было установлено соучастие какого-то казака. Дознание, произведенное в Лейб-Казачьем полку, установило участие урядника Коновалова. Участие в убийстве урядник Коновалов категорически отрицал, однако после опроса судебным следователем он, по обвинению в соучастии, был предан суду Особой Армии, с оставлением под надзором в сотне. Висевшая над головой перспектива суда угнетала Коновалова, и он вызвал в полк своего брата. Заступничество приехавшего брата не помогло: случай грабежа в Лейб-Гвардии Казачьем полку был исключением, и ни командир полка, генерал Греков, ни командир сотни подъесаул Кононов не согласились заминать дела. С приходом революции общая картина развала и безнаказанности кругом возбудили в уряднике Коновалове надежду отвертеться от суда. Урядник Коновалов цеплялся и за французскую медаль в надежде, что сам факт представления к награде не то облегчит, не то избавит его от ответственности.

ву, который, вызвав Коновалова в свой блиндаж, заявил ему, что право предоставления к наградам принадлежит исключительно начальнику и обсуждению казаками не подлежит, почему он приказывает вредную агитацию прекратить и более к этому вопросу не, возвращаться.

На следующий день сотник Ефремов вышел пройтись позади окопа.

К нему подошел Коновалов и дерзким тоном потребовал объяснить, почему его представление к французской медали было отставлено.

Сотник Ефремов ответил, что он уже говорил Коновалову, что право предоставления есть право начальника и разговаривать на эту тему не будет и не желает.

„А я желаю разговаривать“, – дерзко отрезал Коновалов. Сотник Ефремов приказал ему идти в окоп, на свое место. Урядник Коновалов не только не пошел, куда было приказано, но продолжал говорить дерзости.

Сотник Ефремов, выведенный из себя, выхватил револьвер (как потом оказалось, незаряженный) и скомандовал: „Направо“, Коновалов повернулся, но поворот вышел не в сторону окопа. „Кругом, – поправился сотник Ефремов, – в окоп – марш!“

Урядник Коновалов скрылся в окопе, но там, очутившись среди казаков 3-й сотни, стал кричать, что сотник Ефремов, угрозой револьвера, производил ему „занятие поворотами“, что „офицеры всех нас перестреляют... ребята, берите

винтовки, надо Ефремова арестовать...“

Казаки 3-й сотни выскочили из окопа и пошли с винтовками наперевес на сотника Ефремова.

Случайно находившиеся неподалеку командир 5-й сотни подъесаул Рыковский и старший офицер 4-й сотни подъесаул Плеве, увидя казаков, заряжавших винтовки, кинулись к ним навстречу.

Подъесаулу Рыковскому удалось остановить сотню. Быстро опросив сотника Ефремова, он отправил его с подъесаулом Плеве к командующему спешенными сотнями есаулу Фарафонову, а затем не без труда отвел казаков в окоп обратно.

Возбуждение в сотне не улеглось, и через некоторое время к блиндажу командира полка прибыло 5 казаков, заявивших, что они командированы сотней для ареста сотника Ефремова и отправки его для суда в Армейский Комитет.

Есаул Фарафонов, в блиндаже которого сидел сотник Ефремов, отвел дальше от блиндажа в лес возбужденных до крайности и вооруженных винтовками казаков и здесь приказал доложить, в чем дело.

Казаки заявили, что сотня требует ареста, ибо иначе „он, сотник Ефремов, всех нас перестреляет“.

Есаул Фарафонов заявил, что как командир полка он не допустит ареста казаками офицера, да и кроме того, им уже сотник Ефремов арестован впредь до разбора всего дела.

Увидев проходившего случайно офицера 4-й сотни князя Трубецкого, есаул Фарафонов быстро к нему подошел и тихим голосом приказал немедленно, скрытно от казаков, увезти сотника Ефремова на фольварк, отстоявший в 4-х верстах, куда с наступлением ночи должен был отойти в резерв дивизии Лейб-Гвардии Казачий полк.

Вернувшись к „делегатам“, он объяснил им несуразность их опасения и требования и отослал их обратно в окоп.

Ночью полк отошел в резерв к фольварку, а наутро, перед штабом полка выстроились развернутым строем (составляющие 1-ю спешенную сводную сотню) вооруженные винтовками казаки 1-й и 3-й сотен, с требованием выдачи им для ареста сотника Ефремова.

Офицеры Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, командированные в Лейб-Гвардии Егерский полк на должности командиров рот. Слева направо: хорунжий В. Н. Ефремов, подьесаул А. К. Соколов, подьесаул Я. Ф. Рыковский, хорунжий граф М. В. Муравьев-Амурский, полковник А. П. Кривошеин, капитан А. А. Воронов. Сентябрь 1916 года. Архив ЛГКЕВП

Есаул Фарафонов с несколькими офицерами, бывшими в штабе, вышел и громко поздоровался.

Сотни ответили по-уставному.

На вопрос, почему пришли с винтовками, слышались го-

лоса: „Не верим офицерам, они нас перестреляют..“

Есаул Фарафонов, указав на абсурдность этого заявления и обратив внимание казаков на то, что как он сам, так и офицеры вышли без оружия, объяснил, что желает, чтобы винтовки были составлены в козлы, и скомандовал:

„Передняя шеренга – кругом!“

Шеренга повернулась.

„Составь!“ – Винтовок не составили.

Есаул, Фарафонов и командиры сотен начали уговаривать казаков облагоразумиться.

Казаки упорствовали на аресте сотника Ефремова, и даже раздавались, – правда, отдельные – голоса, дерзко заявлявшие, что пойдут арестовывать сами.

Уговоры тянулись более 5 часов. Казаки упорствовали, не расходились, возбуждение то падало, то возрастало.

Дабы кончить тягостную и недостойную сцену, есаулу Фарафонову пришлось согласиться на арест и отправление сотника Ефремова под казачьим конвоем в штаб дивизии.

Здесь сотник Ефремов был немедленно освобожден и на следующий же день уволен в продолжительный отпуск.

Командующий полком полковник Мишарев спешно вызвал в полк судебного следователя Особой Армии.

Последний прибыл и произвел дознание, причем большая часть казаков от дачи показания уклонилась. Казаки при бытии следователя были сильно смущены. Струсил и Коновалов, в своих показаниях валивший свою вину на других

казаков и старавшийся запутать всю сотню.

Следователь же в частном разговоре с командиром полка сообщил, что буквально завален аналогичными делами, но более серьезного характера, чем данное, по его определению, „сравнительно пустяковое" и „благополучно кончившееся".

В действиях урядника Коновалова и приказных той же 3-й сотни – братьев Логвиновых, казаков 1-й сотни Серапионова и Свиарева, он нашел состав преступления, бунта и подстрекательства к бунту, в условиях нахождения сотни в боевой обстановке, что оправдывало угрозу револьвером сотника Ефремова.

Наряду с этим сообщил, что бесполезно арестовывать подследственных, так как все арестованные им немедленно же по прибытии в Луцк освобождаются Армейским Комитетом, разгуливают свободно по городу и открыто грозятся его, следователя, убить.

В результате преступление казаков осталось безнаказанным. Казаки 1-й и 3-й сотен, хотя и присмирели, но атмосфера в полку несколько напряглась, и между офицером и казаком был заложен прочный камень взаимного недоверия. Камень этот, внеся элемент личной обиды, усложнил взаимное понимание казаков и офицеров и затруднил работу последних».

Илья Николаевич Оприц характеризует Ефремова, как очень горячего и по молодости лет иногда несдержанного и

часто неровного с казаками офицера и, будучи по службе строгим и требовательным, не пользовавшегося в их среде популярностью, чем во многом и объясняется произошедший с ним случай.

После описанных событий и продолжительного отпуска, летом 1917 года Василий Николаевич Ефремов был откомандирован в штаб Особой армии, а в сентябре 1917 года, в связи со смертью отца (его отец Николай Васильевич Ефремов был управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте), получил отпуск и уехал в Ташкент.

К этому времени в России уже начинает вовсю разгораться братоубийственная Гражданская война. Находясь в Ташкенте, Василий Ефремов примкнул к местной подпольной белой организации и принял участие в Осиповском восстании, вспыхнувшем в Ташкенте в январе 1919 года. Мятеж Осипова был подавлен большевиками в течении двух дней, после чего часть восставших с оружием в руках ушла в горы, а часть попыталась незаметно скрыться и затеряться в самом городе. После подавления этого восстания Ефремов некоторое время скрывается в Ташкенте, но начавшиеся в городе повальные облавы и массовые расстрелы бывших мятежников заставили его выбираться оттуда.

В том же 1919 году под видом пикетажиста ирригационной изыскательской партии инженера Е. Г. Иорданского Василию Николаевичу удалось уехать в Семиреченскую об-

ласть, а оттуда перебраться в Китай, где в городе Кульдже, Синьцзянской провинции он поступает в формирующуюся бригаду войск адмирала А. В. Колчака. Этому периоду борьбы с большевиками в белых войсках Семиречья и посвящены публикуемые здесь воспоминания.

Тут необходимо отметить, что Ефремов очень интересно описывает те события, непосредственным свидетелем и участником которых ему пришлось быть лично. Уникальность этих воспоминаний состоит хотя бы в том, что Ефремов – единственный известный на настоящий момент мемуарист, описавший свою боевую службу в отряде анненковского полковника Павла Ивановича Сидорова и в Кульджинской бригаде армии адмирала А. В. Колчака. В то же время записки Ефремова грешат многими неточностями в отношении Партизанской дивизии и Отдельной Семиреченской армии атамана Б. В. Анненкова, действовавшими на другом от отряда полковника Сидорова и отделенном от него хребтом Джунгарского Алатау, северном участке антибольшевицкого фронта в Семиречье. Пользуясь разными рассказами и слухами, Ефремов совершенно неправомерно ставит в вину, как Анненкову лично, так и его ближайшим соратникам массовое уничтожение собственных военнослужащих, в чем он «перещеголял» даже советских следователей, судей, историков и журналистов. Все эти домыслы и непроверенные слухи в отношении «преступлений» атамана Анненкова к своим же бойцам, мы попытались критически разобрать в подробных

комментариях к тексту воспоминаний В. Н. Ефремова.

На самом деле абсолютно доказанным на настоящее время имеет место факт убийства отдельными чинами Лейб-Атаманского полка Анненкова нескольких оренбургских офицеров и членов их семей на перевале Сельке в Джунгарском Алатау, у самой границы с Китаем, о чем подробно рассказывается в записках Ефремова со слов его знакомых. Но опять же, вины самого атамана Анненкова в этом преступлении нет, так как ни один командир большого соединения не в состоянии уследить за поведением всех своих военнослужащих, разгоряченных неудачным для них окончанием войны, изгнанием из родных мест и спиртными напитками и превратившихся из хороших бойцов в оскотинившихся преступников и садистов. Мало того, известно, что Анненков лично приказал арестовать и предать военно-полевому суду этих изуверов, своих старых сотрудников-партизан, как только ему стали известны подробности произошедшего преступления.

Члены объединения Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка с гостями в день празднования полкового праздника в Нью-Йорке 04.10.1953 года. Справа налево: Чекунов С. А., князь Трубецкой Н. П., Самсонов Е. А., Полковников С. П., князь Трубецкой В. П., Какурин И. И., Ефремов В. Н. (под рук с женщиной взмахнул рукой); слева два гостя (не лейб-казаки). Архив ЛГКЕВП

Поражение армии атамана Анненкова в Семиречье, вынуждает Ефремова вновь оказаться на китайской территории – в 1920 году он перебирается в Кульджу, затем в Урумчи, столицу провинции Синьцзян, а затем в Ланьчжоу – столицу провинции Ганьсу. Кстати, в краткой автобиографии Ефремова на английском языке, написанной в октябре 1939 года и публикуемой здесь, почему-то немного смещены года, что противоречит его же воспоминаниям. Видимо на то у него были какие-то причины, так как он вряд мог забыть эти ключевые моменты своей биографии. Так год бегства в Кульджу из Ташкента у него указан 1918, а не август 1919-го, так же как и год отъезда в Урумчи – 1919, а не 1920.

После небольшого периода пребывания в 1921 году в Пекине, В. Н. Ефремов переезжает в Кэйдзё (Сеул), где проживала его сестра Наталья с мужем Сергеем Виссарионовичем Чиркиным, бывшим вице-консулом Русского генерального консульства в Сеуле. Здесь Василий Николаевич устраивается работать учителем русского языка в военном штабе Школы иностранных языков и Коммерческого училища в Ринзане.

С 1922 по 1928 год Ефремов работал во французской фирме на золотодобывающем руднике, после чего переехал в Мукден, где работал во французской торговой фирме до 1932, когда Мукденское отделение этой фирмы закрылось, после чего прибыл в Сеул, а вскоре уехал в Шанхай, и устро-

ился во французскую муниципальную полицию, где прослужил до декабря 1938. Затем служил в речной полиции Шанхая. К 1941 году состоял членом Офицерского собрания в Шанхае.

Видимо в начале 50-х годов XX века Василию Николаевичу Ефремову удалось перебраться в США и поселиться в Вашингтоне, где он приобрёл квартиру, и имел неплохие денежные средства, судя по тому, что в последующие годы постоянно материально поддерживал своего родного дядю Алексея Ивановича Ефремова, проживающего во Франции в старческом доме.

В 1966 году в Вашингтоне в издательстве Виктора Камкина (Victor Kamkin Inc.) была издана внушительного объема книга Василия Ефремова «Очерки по истории русской литературы XIX века», экземпляр которой хранится ныне в музее Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка в Курбевау.

Дату и место смерти Василия Николаевича Ефремова пока не удалось установить. Видимо это произошло не ранее конца 60-х годов XX века. Младший брат Василия Николаевича – Николай, скончался в Бостоне 22 февраля 1972 года на 75 году жизни. Сестра Василия Николаевича – Наталья Чиркина, старше его на год умерла в 1989 году в Сан-Франциско.

Н. ЕФРЕМОВ

В Великую Войну 1914-1917 г.г.
автор был корреспондентом у нас
Лейб 26 в Копенгагене Его Величества Императора

**Очерки по истории
русской литературы
XIX века**

Вашингтон

1966

Книга В.Н. Ефремова «Очерки по истории русской литературы XIX века», Вашингтон, 1966

Его брат:

Ефремов Николай Николаевич, вольноопределяющийся Л.-Гв. Казачьего полка; произведен в хорунжие в октябре 1919 г., выдержав экзамен при НКЮУ; ранен в ногу в конной атаке 22 августа 1920 г. [Оприц И. Н. «Л.-Гв. Казачий полк в годы революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.», Париж, 1939, л. 9, 265]. Сотником с 19 августа 1920 г. приказом Войскового Штаба ВВД [РГВА, ф.39456, оп., д. 122, л. 23]. Р. 1898 г., казак Старочеркасской ст. Хорунжий 1-й сотни Л.-Гв. Казачьего полка. Умер 22 февраля 1972 г. в Бостоне. [Волков: ж. Часовой].

Их отец:

Николай Васильевич, из дворян, р. ок. 1862 г., казак Островской ст.; окончил Петровскую земледельческую (?) и лесную академию.

В службе при начальнике Кубанской области с 1 декабря 1886 г. Губернским Секретарем со 2 мая 1887 г. Секретарем Екатеринодарского благотворительного общества с 18 января 1890 г. Коллежским Секретарем со 2 мая 1889 г. При Наказном атамане Кубанского казачьего войска с 12 апреля 1890 г. Награжден С-3 – 6 июня 1892 г. Предводителем дворянства Усть-Медведицкого округа с 1 декабря 1895 г. по 1

марта 1896 г, с 1 ноября 1897 г. по 12 января 1898 г., с 20 января 1898 г. по 1900 г., в 1901–1903 гг., в 1904–1906 гг. Награжден С-2 – 8 ноября 1899 г. Почетным мировым судьей Усть-Медведицкого округа в 1901–1904 гг. Награжден А-2 – 19 июня 1903 г. Коллежским Советником с 9 мая 1904 г. Уволен по просьбе с 13 июня 1904 г. Членом областного по крестьянским делам присутствия в 1904–1906 гг. Затем управляющий канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте. Умер в 1917 году в Ташкенте.

Жена – дочь гвардии поручика Ставровская Екатерина Дмитриевна, дети: Софья р. 16 сентября 1890 г., Ольга р. 10 ноября 1892 г., Наталья р. 16 февраля 1894 г., Василий р. 30 марта 1895 г., Екатерина р. 2 февраля 1897 г., Николай р. 5 июля 1898 г., Сергей р. 28 октября 1904 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 503, ПС за 1904 г.].

Жена – попечительница Березовского женского училища. Еще дети: Анна, Дмитрий (умер в младенчестве). [Савелов].

Роман Андреев, Максим Ивлев

(предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии)

Выражаем искреннюю благодарность за советы и ценные замечания при подготовке комментариев к воспоминаниям В. Н. Ефремова историкам Вадиму Алексеевичу Гольцеву (Алма-Ата) и Владимиру Александровичу Шулдякову

(Омск).

В. Н. Ефремов. Воспоминания.

Россия – Китай

Shanghai, October 1939

I was born in April 1895 at Novocherkassk, Don Province. 1914 I graduated classic school and entered The Nikolai Cavalry Academy in Petrograd. In October 1915 I joined The Army as a Cossack Sub-Lieutenant and being promoted Lieutenant in 1917 after The revolution started, went to Tashkent when my parents were at that time.

In 1918 I escaped from Russia to China and joined the anti-bolshevik forces under Admiral Kolchak in Kulja, Sin Kiang province. After the defeat of Admiral Kolchak in 1919 I went to Tihwa-fu The Capital of Sin-Kiang province, and in 1920 – to Langchow-fu – capital of Kansu province.

In 1921 I arrived to Peking from where I proceeded to Keijo (Chosen) in August of the same year, where my sister and her husband, Mr. S. V. Tchirkine, resided. Mr Tchirkine was until 1913 Russian Vice-Consul in Keijo and at present time is employed in The Chosen Railway Administration (Tetsando).

In Keijo became a Teacher of The Russian language in The Military Staff Foreign Language School (Kaikoska) and a Commercial School (Jen Rin Iakko) both in Rinzan.

In 1922 I obtained a position in gold mine (Chosen Syndicate

Ltd – Heian Hakudo) where I worked for 6 years until 1928. In 1928 went to Mukden (Hoten) where I worked for four years with L. Rondou & Co., Ltd., a French commercial firm. In 1932 this firm closed and I came to Shanghai where I joined the French Municipal Police. For the following two and half years I worked in the Political Department and four years in Cultral and Foch Stations. In December 1938 I was grauted long leave and decided to Change my job. In January, 1939 I applied for a position in the River Police, Chinese Maritime Customs. My application was approved and I served in the River Police until April of the same year, when I was discharged. At the time of discharge I was assured that the first vacancy in the River Police will be given to me.

Apart from my mother tongue I speak, read and write English and French, speak German and a little Japanese.

Basil N. Efremoff 8/67 Pere Robert Tel. 76123.

Автобиография В. Н. Ефремова

Шанхай, октябрь 1939

Я родился в апреле 1895 года в Новочеркасске, Донской области. В 1914 году я окончил классическую гимназию и поступил в Николаевское кавалерийское училище в Петрограде. В октябре 1915 года я вступил в армию в звании хорунжего, в 1917 году мне было присвоено звание сотника, а после начала революции отправился в Ташкент, где в то время были мои родители.

В 1918 году я бежал из России в Китай и вступил в антибольшевистские силы адмирала Колчака в городе Кульдже, Синьцзянской провинции. После разгрома армий адмирала Колчака в 1919 году я перебрался в Дихуафу¹, столицу провинции Синьцзян, а в 1920 году – в Ланьчжоу-фу, столицу провинции Ганьсу.

В 1921 году я прибыл в Пекин, а оттуда в августе того же года в Кейджо² (Чосен³), где проживали моя сестра и ее муж, господин С. В. Чиркин⁴. Г-н Чиркин был до 1913 года русский вице-консул в Кейджо, а в настоящее время служит в Корейской железнодорожной администрации (Тетсандо).

В Кейджо стал учителем русского языка в военном штабе Школы иностранных языков (Каикоска) и Коммерческого училища (Джен Рин Якко) в Ринзане.

В 1922 году я получил место на золотом руднике (Chosen Syndicate Ltd – Heian Hakudo), где я работал в течение шести лет до 1928 года. В 1928 году я отправился в город Мукден (Хотен), где работал на протяжении четырех лет во французской коммерческой фирме L. Rondou & Co., Ltd. В 1932 году эта фирма закрылась, и я уехал в Шанхай и устроился во французскую муниципальную полицию. В течение следующих двух с половиной лет я работал в Политическом департаменте и еще четыре года на железнодорожных станциях. В декабре 1938 года у меня закончился долгий отпуск и я решил поменять свою работу. В январе 1939 года я подал заявление на должность в речной полиции Китайской морской таможни. Мое заявление было одобрено и я служил в речной полиции до апреля месяца этого года, когда был сокращен. На момент сокращения меня уверили, что первая вакансия в речной полиции будет предоставлена для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.